

ЛАЙЗА РЕНИ ДЖОНС

ЗАПИСКИ УБИЙЦЫ

INSPIRIA

Москва

2024

Т - это ТРУТ

З - это ЗАБИТ

И я знаю где.

А мы?

ЧИТАЙТЕ ВСЕ РОМАНЫ МАЙКА ОМЕРА

Внутри убийцы
Заживо в темноте
Глазами жертвы
Как ты умрешь
Сеть смерти
Дом страха
Тринадцатая карта
Гибельное влияние
Скрытые намерения
Пламя одержимости
Странные игры

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ В СЕРИИ «ВНУТРИ УБИЙЦЫ»

Виктор Метос «Жена убийцы»
Виктория Селман «Границы безумия»
Мэри Бёртон «Последний ход»
Изабелла Мальдонадо «Шифр»
Виктор Метос «Ночные твари»
Мэри Бёртон «Последнее испытание»
Изабелла Мальдонадо «Високосный убийца»
Лайза Рени Джонс «Поэзия зла»
Виктор Метос «Лживая правда»
Ребекка Дзанетти «Одиннадцать подснежников»
Аманда Кайл Уильямс «Профиль незнакомца»
Си Джей Абазис «Цепи рая»
Ребекка Дзанетти «Черные георгины»
Лайза Рени Джонс «Записки убийцы»

ЛАЙЗА РЕНИ ДЖОНС

ЗАПИСКИ УБИЙЦЫ

INSPIRIA

Москва

2024

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д42

Lisa Renee Jones
MURDER NOTES. MURDER GIRL

© 2020 by Lisa Renee Jones

Джонс, Лайза Рени.
Д42 Записки убийцы / Лайза Рени Джонс ; [перевод с английского А. Лисочкина]. — Москва : Эксмо, 2024. — 544 с. — (Ток. Внутри убийцы. Триллеры о психологах-профайлерах).

ISBN 978-5-04-200797-2

Работа Лайлы Лав — думать и чувствовать как убийца. И в этом она сильна. Когда начинается серия жестоких убийств — все жертвы раздеты донага, у каждой пуля между глаз, — чутье Лайлы подсказывает: это дело рук не серийного маньяка. Работает наемник. Но на одном из трупов Лайла замечает необычную татуировку. Спецагент уже видела такую. Лайле приходится вернуться из Лос-Анджелеса в родной городок на Восточном побережье, где когда-то она была важной фигурой.

Ее отец — мэр, брат — начальник полиции, а бывший любовник, Кейн Мендес, — сын криминального авторитета. У нее с Кейном похоронена в прошлом общая мрачная тайна. И хотя Кейн с точки зрения закона ей враг, он всецело на ее стороне. Поэтому здесь Лайла практически всеильна.

Но число жертв растет, а Лайле начинают поступать записки с угрозами. К примеру, такая: «“Т” — это ТРУП. “З” — это ЗАРЫТ. И я знаю где. А ты?» Он знает о ней всё. Однако Лайла не испугана. Она разозлена. А когда она злится, ей лучше работается — и меньше шансов остается у преступника...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Артём Лисочкин, перевод на русский язык,
2024

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-200797-2

ЧАСТЬ I

ДЕВУШКА-ПРОБЛЕМА

Глава 1

В океане — кровь.

Поначалу я этого не замечаю, но вообще-то и большинство людей этого не замечает. Это называется отрицанием. Мы отказываемся видеть то, с чем нам в конечном итоге придется иметь дело, а возможно, даже и признать. Что касается тех, кто ни в чем не повинен, то им неведома вся жестокость действий, необходимых для того, чтобы отнять жизнь, поэтому они просто не в силах уложить в голове невообразимое. Для виновных же все сводится к отрицанию собственной способности совершить нечто подобное, и такое отрицание может стать карающим мечом, который медленно вскрывает их, выворачивая наизнанку. Хотя есть и другой класс людей, которые больше животные, чем люди. Настолько больных, настолько безумных, что они ощущают мимолетную радость от смерти, а затем ищут еще большей радости, проделывая это еще раз. А потом еще. Вы не найдете вины в их глазах. Вы не найдете там раскаяния. Бывают моменты, когда я и сама ощущаю себя одним из этих животных, но потом чувство вины накатывает вновь.

Хотя знаете что? Раскаяния все-таки нет. Сама не знаю, что это говорит обо мне.

И вот я иду по пляжу, не замечая того, что таится в воде, и это похоже на многие другие прогулки по пляжу Ист-Хэмптона. Прохладный песок между пальцами ног... Вкус соли на губах... Порыв ветра поднимает мои длинные каштановые волосы с шеи. Я вижу, как это происходит, словно нахожусь где-то над этой сценой и смотрю на себя свер-

ху вниз. Как будто это я мертва, а тот, другой человек на пляже — жив. Иногда я почти слышу, как ветер шепчет мое имя: «Лайла... Лайла...» Словно зовет меня туда, куда, как он знает, должен лежать мой путь, но я по-прежнему сопротивляюсь. Этот ласковый, успокаивающий шепот — соблазнительное обещание того, что если принять все это, смириться с ним, то это принесет облегчение, даже прощение.

Ветер лжет. Он всегда лжет.

Но тогда именно поэтому он и хочет меня. Из-за моей лжи. Потому что знает, как она преследует меня. Он знает мои секреты, неведомые остальным. Только вот это тоже ложь, и, присмотревшись, я вижу вдалеке одного-единственного человека, который тоже знает эти секреты и теперь быстро приближается ко мне.

Он идет ко мне, грациозный и привлекательный, на нем до смешного дорогой костюм, мокрый песок под его черными кожаными туфлями невероятно гладкий, куда бы он ни ступил. Но ведь это человек, который может легко убедить людей, будто запросто ходит по воде, так почему бы и не по песку? Человек, достижения которого уступают разве что его самолюбию, в то время как его харизма — лишь одно его оружие в числе множества прочих. Он может поцеловать женщину и заставить ее желать большего — и, конечно же, сделал это и со мной, — но я напоминаю себе, что это не делает меня наивной, поскольку его власть над людьми такова, что ему достаточно произнести одно только слово, чтобы заставить и взрослых сильных мужчин последовать за ним. Он — воплощение совершенства, красивая картинка в рамке, и лишь немногие видят, что накрывающее ее стекло разбито вдребезги. Но я-то вижу. Я знаю о нем то, чего не знает никто другой.

Как и он обо мне. В этом-то вся проблема.

Отвергая его, я отворачиваюсь от его приближающейся фигуры лицом к океану — новый рассвет озаряет небо, и странное красное пятно пачкает глубокую синеву воды. Оно начинает расти и все растет и растет, пока кровь кого-то ушедшего и почти наверняка забытого не прольет-

ся сквозь него, словно нефть из подожженной скважины. Кровь теперь повсюду. Нет ничего, кроме нее и вины, которую я пытаюсь отрицать.

И вдруг он уже позади меня — его рука у меня на плече, и я вздрагиваю от этого прикосновения. Это он сделал это. Это он пролил эту кровь.

Только вот... Нет. Вроде это не так. По-моему... это все-таки моих рук дело.

Я просыпаюсь от одного из своих ночных кошмаров — этих шоу уродов, которые, как я думала, наконец-то закончились. В комнате темно, с прикроватной тумбочки звонит мой сотовый, а все мое тело ноет от потребности во сне.

— Рич, — бормочу я, пытаясь отпихнуть большое твердое тело, которое умудрилось полностью придавить и облапиться меня. — Отвали! У меня звонит телефон.

Тот не двигается, и это проблема, которая выходит за рамки данного момента и более непосредственно касается нас, работающих в одном местном офисе Бюро и вместе прыгающих в постель.

— Рич, черт возьми!

Он издает стон и перекатывается в одну сторону, в то время как я сдвигаюсь в другую и хватаю свой мобильник, глянув на то, что высветилось на экране. Звонят из местного отдела полиции.

— Специальный агент Лав, — отвечаю я.

— Мы обнаружили тело у пирса Санта-Моники, и нам нужна ваша помощь, — говорит мужчина на линии. — Ранним утром какой-то бегун обнаружил труп и сообщил об этом в полицию.

Я смотрю на часы — 5:00 утра — и удивляюсь, какой идиот бегаёт трусцой в такую рань, в темноте, по пляжу. Но это все равно не моя работа.

— Это территория местных властей. Вы ошиблись адресом.

— Вы ведь специальный агент Лайла Лав, верно?

— Вы это уже знаете, — раздраженно говорю я, и поскольку все это явно так просто не пройдет, сажусь, готовясь бороться со своей потребностью опять забыться сном.

— Тогда просят лично вас. Распоряжение директора Мерфи.

Мой босс ждет меня там? Если он готов присоединиться ко мне, то это явно нечто большее, чем просьба поделиться своими навыками профилирования с местными, и моя сонливость переходит в тревогу.

— Сейчас буду.

Заканчиваю разговор и сбрасываю одеяло, скривившись, когда понимаю, что на мне рубашка Рича, которая явно не посылает ему того довольно прозрачного намека, как следовало бы после нашего вчерашнего «разговора», от которого я, по сути, уклонилась. «Но пахнет хорошо, как и всегда», — думаю я, с трудом поднимаясь и ковьяля умыться.

Заходя в крошечную ванную, задеваю ногой за треснувшую плитку и морщусь, а затем пристраиваюсь у столь же крошечной древней раковины и беру зубную щетку.

— Когда мы закончим разговор, который начали вчера вечером?

При звуке голоса Рича я начинаю активно чистить зубы, убедившись, что сейчас настолько же не способна говорить о переезде к нему, как и тогда, когда вечером мы занимались сексом.

— Лайла, — нетерпеливо произносит он, и моя передышка длится всего десять секунд.

Бросаю на него взгляд сквозь длинную завесу своих растрепанных темно-каштановых волос и вижу, что он уже стоит в дверях, прислонившись к косяку. Голый. Этот мужчина сложен как бог, как какой-нибудь светловолосый мускулистый бог, но все же... «До чего же это некстати!»

— Почему бы тебе не одеться? — спрашиваю я, хотя и не уверена, что он сможет понять меня, когда рот у меня полон пены.

— Я серьезно, Лайла. Мы встречаемся уже шесть месяцев. Нам нужно это обсудить.

— Ты голый, — говорю я, вынимая зубную щетку изо рта, поскольку в прошлый раз он меня явно не услышал. — Я ничего не собираюсь обсуждать в голом виде.

Возвращаюсь к чистке зубов.

— Ты не голая. Это я голый.

— Какой ты смешной... — говорю я, после чего включаю воду и прополаскиваю рот, а поскольку он все еще стоит там, когда я заканчиваю, то поворачиваюсь к нему лицом. — Я серьезно, Рич. Ты голый. А меня ждет мертвое тело. Эти два понятия не сочетаются. Сейчас не время.

— Ты один из лучших специалистов по профилированию в стране, — заявляет он. — Тебя всегда ждет труп. Вот почему нам никогда не удастся поговорить.

Отворачиваюсь и опираюсь руками о раковину, проявляя к белой керамике больше интереса, чем она того заслуживает, — хотя его обнаженное тело, пожалуй, заслуживает и большего, чем я могу позволить себе дать ему прямо сейчас.

— У каждого есть свои фетиши.

— Тебе ведь не нравятся мертвые тела. Почему ты несешь такую фигню?

«Потому что я хочу тебя отпугнуть», — думаю я, зная, что вообще-то и вправду могу напугать его, если буду настаивать, что у меня и в самом деле такой фетиш — трупы. Хотя, конечно, с логикой у Рича всё в порядке и он понял бы, что это просто помогает мне ловить убийц. Так что просто говорю, что иду одеваться, и в надежде, что он поймет намек и сделает то же самое, поворачиваюсь, чтобы пройти в гардеробную. К счастью, за его разочарованным взглядом следует некий сдвиг воздуха, который говорит мне, что Рич наконец-то решил что-нибудь надеть. Жалея, что уже нет времени принять душ, сдергиваю с вешалок линейные джинсы и черную футболку с V-образным вырезом, одеваю, а затем прислоняюсь к стене, чтобы натянуть черные армейские ботинки.

Всего три минуты спустя я возвращаюсь в ванную и обнаруживаю Рича все в том же дверном проеме, и хотя он уже не голый, его черные джинсы с низкой посадкой не особо прикрывают его достоинства, которые в данный момент мне и вправду хочется прикрыть. Бросаю ему его рубашку, которую он ловит и натягивает прямо через голову. Воспользовавшись тем, что удалось ненадолго его отвлечь, возвращаюсь к раковине, чтобы умыться, расчесать волосы

и поразмыслить о том, насколько бледной выглядит моя кожа без макияжа, который я уже просто не успеваю нанести. Я все-таки девушка. Мне нравится быть девушкой, несмотря на эту работу, и чертовски нравится, как это обстоятельство, в сочетании с моим «грязным ротиком» — как назвала бы это моя мама, если бы была жива, — напрочь сбивает людей с толку.

Готовая сразу по нескольким причинам поскорей убраться за дверь, подхожу к Ричу, но он не двигается с места, и его крупное тело оказывается на пути у моего миниатюрного.

— Итак, насчет этой квартиры, — говорит Рич. — Ты живешь в Калифорнии уже два года. Это место размером с коробку из-под печенья, и это натуральная помойка, Лайла. Пришло время что-то менять.

— Ты прав. Квартирка и вправду крошечная, и это подтверждается тем фактом, что в данный момент ты меня душишь. Мне нужно что-то попросторней, и если б к этому еще и прилагался унитаз, у которого не требуется всякий раз до посинения тереть ручку, чтобы заткнуть в нем воду, это было бы большим плюсом.

— Я рад, что ты согласна.

Он рад, что я согласна? Ладно... Все пошло не так, как планировалось. Рич не понимает, что я ему говорю. Я вижу это по его лицу, и мне нужно заткнуться, пока я не увязла еще глубже.

— Подвинься, Рич. Мне нужно идти.

Тем не менее он преграждает мне путь.

— У меня долгосрочная аренда и унитаз, который не нужно тереть, — продолжает он. — Конечно, это не твой бывший манерный Хэмптон, но это шаг вперед по сравнению с этой дырой. Переезжай ко мне. Отныне я хочу просыпаться и каждое утро смотреть в твои чудесные карие глаза.

Ну вот... За что боролась, на то и напоролась.

— Я разве не говорила, что меня ждет труп? И Мерфи?

Лоб у него мгновенно хмурится.

— Тебя там ждет Мерфи? — Рич подается назад. — Что, черт возьми, происходит?

— Понятия не имею, — отзываюсь я, подходя к стулу в углу спальни и вешая себе на грудь сумку на ремне, которую всегда беру с собой на место преступления.

— Если Мерфи на месте преступления, — говорит он, — то мы берем дело в свои руки.

— Скорее всего, — отвечаю я и, не собираясь продолжать разговор, оставляю все как есть и направляюсь к двери, чтобы побыстрее ускользнуть. Но, к моему разочарованию, Рич опять встает передо мной.

— Переезжай ко мне, — повторяет он, опуская руки мне на плечи. — Я без ума от тебя.

— Я не из тех девушек, которые любят постоянные отношения.

— А как ты называешь то, что у нас с тобой?

— Секс... Дружба... — Я сбиваю его с толку, и, думаю, саму себя тоже. Стоило бы опустить часть касательно дружбы, только вот Рич мне действительно нравится. И, вообще-то, довольно сильно. Разозлившись на себя, добавляю: — Да не знаю я!

— Ты только что описала идеальные отношения, Лайла. Это как раз то, чего все мы хотим. И секс, и дружба в одном флаконе.

Примечание для себя: дружба — это реально плохое слово для мужчин.

— Послушай, Рич... Я хочу сказать, ты просто как такой идеальный калифорнийский чувак, какими их себе обычно представляют — только доски для серфинга не хватает, — обалденный и милый, но...

— Какой-то там пляжный чувак, да еще и *милый*? Твою ж мать... — Он убирает руки с моих плеч и проводит одной из них по своим длинным вьющимся светлым волосам. — Так вот каким ты меня видишь?

Поднимаю руки:

— Нет. Боже... Нет, конечно. Прости. Видишь? Ни фигура в таких делах не смыслу. — Укрепляю голос, чтобы убедиться, что он понимает, насколько серьезно я настроена. — Ты — всеамериканский крутой герой. Перед тобой мало кто устоит. Ты потрясающий, Рич. Просто охеренно потрясаю-

щий. Слишком хорош для меня. Проблема — во мне. У меня есть проблемы. Большие проблемы. Вот почему я не беру на себя никаких обязательств. — Убираю прядь волос с лица. — И не могу сейчас так поступить. Ты знаешь, что я не могу сейчас так поступить.

Челюсть у него напрягается, и он недовольно, неохотно кивает мне.

— Ладно, иди. Выясни, что там у Мерфи.

Я не спорю. Обхожу его и устремляюсь в гостиную, задержавшись в дверях только для того, чтобы сказать:

— Запри дверь, когда будешь уходить. Меня очень любят всякие больные ублюдки.

И направляюсь к входной двери.

— Тогда кто же я, Лайла?

— Исключение! — кричу я в ответ, и Рич и понятия не имеет, насколько правдиво звучит это утверждение.

* * *

Благодаря тому, что этот утренний бегун поднимает нас всех с постели ни свет ни заря, я добираюсь из своего района Лос-Фелис до Санта-Моники всего за тридцать минут, что в любое другое время суток было бы неслыханно. Припарковать мой серый «Форд Таурус» на стоянке рядом с пляжем также не составляет труда. Выхожу из машины, вешаю на шею значок ФБР, борюсь с порывом сентябрьского ветра в семьдесят с чем-то градусов¹ и направляюсь по тротуару к пирсу. Пробираясь сквозь все еще спящий вечный карнавал приморского променада, направляюсь напрямиком к колесу обозрения, которое наверняка приведет меня к самому концу пирса. Оказывается, растущая толпа вокруг желтой ленты на близлежащем пляже ничуть не хуже справляется с этой задачей.

Подхожу к нескольким полицейским в форме и показываю им свой значок.

— Кто тут главный детектив? — спрашиваю у них.

¹ 70 градусов по Фаренгейту — 21 °С. — *Здесь и далее прим. пер.*

— Оливер, — отвечает мне один из патрульных.

«Отлично», — думаю я, двигаясь дальше по тротуару. Этот человек ненавидит меня. Успеваю пройти еще футов десять, собираясь уже ступить на песок, как вдруг слышу:

— Специальный агент Лав!

При звуке голоса детектива Оливера морщусь и поворачиваюсь, чтобы увидеть этого сорокалетнего «Серого Лиса», как называют его дамы из полиции, который движется в мою сторону. И да: пожалуй, смотрится он неплохо. Если вам способен понравиться стереотипный, курящий, вечно одетый в мятый костюм честный коп с дурным характером.

— Детектив...

— Надеюсь, сегодня вы получше выполните свою работу и посущественней мне поможете, чем два дня назад?

Ну вот, начинается...

— Это было профессиональное убийство, детектив Оливер, — натянуто говорю я. — Нельзя так вот запросто указать на того, кто его совершил, просто щелкнув пальцами.

— Вы мне вообще ни на что не указали.

— Преступник — это не какой-то там тридцатилетний тип с двумя детьми и собакой, который живет в пригороде. Об этом миллион статей написано. Такие не соответствуют профилям.

— А мне похер все эти статьи, ученая вы наша... И если вы и ваши люди собираетесь ошиваться на моем месте преступления, то лучше вам все-таки соорудить мне хоть какой-нибудь профиль.

Он уже сходит с тротуара, чтобы ступить на песок.

Я раздраженно разворачиваюсь и двигаюсь следом, быстро догоняя его.

— Мои услуги предоставляются добровольно, из профессиональной любезности, а не для того, чтобы вторгаться в ваше личное пространство.

— Забавно, — сухо отзывается Оливер. — Что-то я не припомню, чтобы мне предоставили выбор сегодня утром, когда я отказался от ваших услуг.

Мы добираемся до гавани, где в нескольких футах от другой огороженной лентой зоны собрались различные офици-

альные лица. Один из полицейских машет ему, а он, в свою очередь, машет на группу людей, собравшихся у причала.

— Идите. И на сей раз дайте мне какие-то ответы, — говорит Оливер, прежде чем показать мне спину.

Стиснув зубы, смотрю прямо перед собой и продолжаю идти, проталкиваясь сквозь толпу полицейских, пока не нахожу Джо, рыжеволосого судмедэксперта — на самом-то деле все его так вот попросту и называют, — склонившегося над убитым. Его очки в толстой оправе медленно съезжают на нос.

— Приветик, агент Лав.

— Привет, Джо, — говорю я, но в данный момент мое внимание приковано не к нему, а к мертвому обнаженному мужскому телу на песке. Морская вода омывает его босые ноги, и холодок пробегает у меня по спине, причем вовсе не потому, что я так уж брезглива. Именно в таком виде мы и обнаружили другую жертву всего две ночи назад, а одежду убитого тогда так и не нашли. Я и сейчас этого не ожидаю. Отсутствие одежды на теле или где-нибудь еще, где ее можно было бы отыскать, обычно расценивается большинством работающих на месте преступления как попытка скрыть улики. Но только не мной. Два дня назад интуиция подсказывала мне, что за этим кроется нечто большее, и сейчас это определено так.

Я подхожу ближе, и Джо переходит к голове мертвеца.

— Пуля между глаз, — говорит он, поднимая на меня взгляд и указывая на чистое отверстие ровно между бровями. — Знакомая картина?

— Слишком уж знакомая, — бормочу я, доставая из сумки пластиковые перчатки, присаживаюсь на корточки на песке и осматриваю останки.

— Чисто вошла, — добавляет Джо. — Идеальная аккуратность, никакого беспорядка, никакой суеты.

— Одежда снята до или после убийства?

— До.

Я не спрашиваю его о причинах такого вывода — он подробно изложит их в своем отчете.

— А в деле двухдневной давности?